

ИСТОРИИ МОСКОВСКИХ ТАКСИСТОВ

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Истории Московских таксистов

«Автор»

2026

Патрушев С.

Истории Московских таксистов / С. Патрушев — «Автор», 2026

Эта книга — сборник историй, рассказанных московскими таксистами. Каждая поездка становится исповедью, а случайный попутчик — свидетелем самых сокровенных тайн. Бывший военный лётчик, спасающий людей на земле; женщина, двадцать лет ждавшая мужа из полярного похода; парень из детского дома, нашедший маму через двадцать лет; старушка с пирожками, вытащившая соседа из двухлетнего затворничества — все они живут среди нас и ведут свои негромкие битвы. Здесь нет выдуманных сюжетов. Есть настоящая Москва — не глянцева и не криминальная, а живая, дышащая, полная негромких чудес. Город, где случайная поездка может спасти жизнь, где одно сказанное вовремя слово меняет судьбу, и где таксист оказывается последним человеком, который держит за руку того, кто стоит на краю. Это книга о том, что мы никогда не бываем по-настоящему одни. Даже глубокой ночью, даже когда кажется, что нас никто не слышит, всегда есть кто-то, кто везёт нас домой. И не проходит мимо.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Истории Московских таксистов

Глава 1.

Был поздний вечер, почти ночь, когда я поймал машину на вылете из аэропорта Домодедово. Усталость после командировки была такой, что, казалось, она давила на плечи физически. Я бросил чемодан в багажник, назвал адрес и откинулся на сиденье, готовясь к часовому молчаливому пути. Водитель, мужчина лет пятидесяти пяти с аккуратной сединой на висках и цепким, спокойным взглядом, кивнул и плавно вырулил на трассу.

В салоне играла тихая, инструментальная музыка, и я уже начал проваливаться в дремоту, как вдруг он негромко спросил, не против ли я, если он немного приоткроет окно, потому что духота после дождя действует на него снотворно. Я, конечно, согласился, и в машину ворвался влажный, промозглый воздух осенней Москвы. Тишина между нами висела комфортная, но, видимо, ему самому захотелось говорить.

Он начал издавна, с шуток о том, что за двадцать пять лет за рулем он, наверное, слышал больше исповедей, чем любой священник. Люди в такси раскрываются, говорил он, представляя плавно рычаг. Для них ты не человек, а так – кресло с рулем, которое умеет слушать. И в этом кресле они оставляют всё: горечь разводов, радость от повышений, отчаяние перед операцией, глупые секреты, о которых не рассказывают даже мужьям и женам.

– Но была одна история, – сказал он, понизив голос, и я почувствовал, что сон как рукой сняло, – которая вывернула меня всего наизнанку. И до сих пор, когда еду по Кутузовскому, я невольно сбавляю скорость и смотрю на ту высотку.

Это случилось года четыре назад, тоже осенью, только гораздо холоднее, в ноябре. Он получил заказ от девушки. Заявка была обычная: от дома на Ленинском проспекте до торгового центра на западе. Когда подъехал, клиентка уже ждала у подъезда. Молодая женщина, лет двадцати восьми, в дорогом, но, как он подметил, не по погоде легком пальто, с огромными темными кругами под глазами и взглядом, который он назвал «отстраненно-стеклянным». Она села на заднее сиденье, что уже само по себе было необычно для одинокой пассажирки – обычно женщины садятся рядом, чтобы контролировать дорогу. Но она буквально провалилась в угол, сжалась там и тихо сказала: «К “Москва-Сити”, пожалуйста. К башне “Федерация”».

Водитель, назовем его Сергеем, тронулся. Он сразу понял, что что-то не так. От женщины исходила такая волна безысходности, что, по его словам, «хотелось остановить машину и просто обнять её, как дочь». Он попытался завязать разговор: спросил, не холодно ли ей в таком пальто, предложил включить печку жарче. Она ответила односложно: «Нет, спасибо». И снова тишина. Он поглядывал в зеркало заднего вида и видел, как она смотрит в окно, но не на мелькающие витрины и огни, а куда-то в одну точку, и губы её слегка шевелятся. Сергей тогда подумал, что она разговаривает сама с собой, но потом понял, что она что-то шепчет – то ли молитву, то ли просто повторяет одно и то же слово.

Примерно на середине пути, когда они стояли в пробке на Третьем транспортном кольце, она вдруг резко подалась вперед и положила руку ему на подголовник. Он вздрогнул. А она спросила голосом, который он сравнил со скрежетом металла: «А если очень больно жить, вы бы что сделали?»

Сергей, мужчина бывалый, повидал всякого, но тут его как током ударило. Он припарковался на аварийку, заглушил двигатель и повернулся к ней. В темноте салона, подсвеченная только тусклым светом фонарей снаружи, она выглядела призраком. Он сказал ей прямо: «Я бы заварил крепкий чай, сел и подумал, а что будет завтра. Или через неделю. Но, честно говоря, когда мне было так больно, я шел к людям. Или звонил. Просто, чтобы услышать голос». Она тогда горько усмехнулась и сказала, что людей, которым можно позвонить, у неё больше нет. Что она все разрушила сама, по кусочкам, и последний мост только что сожгла.

Он не стал её уговаривать, не стал читать нотации. Он просто сказал: «Я вас никуда не повезу. Я отвезу вас туда, где тепло и где есть чай. А если хотите, просто посидим молча. Мне за смену уже наговорились, отдыхать не вредно».

Она заплакала. Не в голос, не с истерикой, а как-то по-детски, всхлипывая и утирая слезы рукавом пальто. Сергей развернулся, заехал в какой-то круглосуточный гипермаркет, купил две большие кружки, термос с кипятком, пакетик чая и маленький шоколадный эклер. Он припарковался на смотровой площадке напротив того самого «Сити», куда она просила его привезти, заварил чай прямо в машине, и они пили его молча, глядя на сверкающие башни.

Она пробыла в машине около двух часов. За это время она рассказала ему, что её жених, с которым они планировали свадьбу через три недели, вчера объявил, что уходит к её лучшей подруге. Что они вместе открыли бизнес, оформленный на него, и теперь она осталась ни с чем, даже без квартиры, потому что жила в его апартаментах. А сегодня утром она узнала, что беременна. И в её голове за эти сутки сложилась чудовищная, но, как ей казалось, идеальная логическая цепочка: раз она никому не нужна, не нужна даже как деловой партнер, то и ребенку она не нужна. А избавиться и от себя, и от проблемы разом, просто шагнув в пустоту с высоты, – это и есть единственно верное решение. Она даже выбрала башню, потому что «так выше».

Сергей слушал, не перебивая. Потом он рассказал ей свою историю. О том, как десять лет назад его жена умерла от рака, оставив ему троих сыновей. О том, как он ночевал в машине, потому что не мог оплатить ипотеку и снимать квартиру, и жил, по сути, в этом самом такси. Как его младший сын в три года спросил у него: «Папа, а когда мама придет?» И как ему хотелось тогда просто разогнаться и влететь в столб, чтобы больше не слышать этого вопроса и не чувствовать той боли.

– Но я не влетел, – сказал он ей. – Потому что понял: мой сын через минуту после моего «улета» спросит у кого-то другого: «А где мой папа?». И ему никто не ответит так, как ответил бы я. У вас, может быть, внутри сейчас вообще никто не живет, кроме этой маленькой точки. Но через три месяца вы почувствуете, как она шевелится. И у вас появится тот самый человек, который будет вас ждать. Даже если вы сейчас думаете, что он вам не нужен.

Они проговорили до четырех утра. В конце концов, он уговорил её позвонить матери. Оказалось, что мать жила в соседнем Подмоскovie, и они не общались два года из-за ссоры. Сергей дождался, пока женщина наговорится, разрыдавшись, в трубку, а потом бесплатно, отказавшись от всех последующих заказов, повез её к матери в Химки. Всю дорогу она держала его за руку через спинку переднего сиденья и благодарила. Он высадил её уже в шестом часу утра, когда из калитки выбежала пожилая женщина в халате нараспашку и они упали друг другу в объятия.

Сергей замолчал. Мы уже въезжали в мой спальный район, и дворники методично смахивали капли налипшего снега с лобового стекла.

– А что с ней стало потом? – спросил я, боясь нарушить тишину.

– А потом, – он улыбнулся, впервые за весь разговор, и эта улыбка преобразила его суровое лицо, – через год, двадцать седьмого ноября, я получил смс от незнакомого номера. Там было фото: она, счастливая, в какой-то смешной вязаной шапке, держит на руках пухлого карапуза, а рядом стоит мужчина с огромным букетом. И подпись: «Спасибо за этот день. Мы назвали сыном Сергеем. Приезжайте на кофе, мы теперь живем в доме с чаем». Я тогда чуть не разревелся, прямо посреди дороги, представляете? Пассажиры испугались. Я до сих пор храню это фото в телефоне.

Он высадил меня у подъезда, отказался от чаевых, сказав, что мы «с ним и так расплатились беседой». Я вышел из машины, и холодный ветер ударил в лицо, но на душе было удивительно тепло. Я смотрел, как красные габариты его автомобиля тают в пелене снегопада, и думал о том, что иногда судьба целого мира, а для кого-то и целой жизни, может зависеть от того, какой таксист возьмет заказ в холодную ноябрьскую ночь. И от того, найдется ли у этого уставшего человека за рулем лишняя кружка кипятка, пакетик чая и час времени, чтобы просто остановиться и сказать: «Я никуда вас не повезу».

Глава 2.

Я сел в такси на Садовом кольце, промокший до нитки после внезапного ливня, и назвал адрес в Бутово. Водитель, плотный мужчина с короткой стрижкой и тяжелым, усталым лицом, молча кивнул и включил счетчик. Дорога предстояла долгая, пробки в час пик стояли мертвые, и я уже приготовился к часу томительного безмолвия под завывание печки.

Однако уже через пять минут, когда мы замерли в плотном потоке на Варшавке, он вдруг глухо сказал, глядя прямо перед собой на капот идущей впереди машины:

– Вы знаете, я ведь не всегда таксистом был. Я десять лет в геологоразведке отпахал. Всю Сибирь исколесил, от Урала до самой Якутии. А потом... ну, девяностые наступили, контора наша развалилась, и пришлось баранку крутить. Но это я к чему: когда колесишь по тайге месяцами, там время течет иначе. И людей там встречаешь других. Один случай был, который мне всю жизнь потом аукался.

Он замолчал так надолго, что я подумал – разговор закончился, не начавшись. Но потом вздохнул тяжело и продолжил, перестраиваясь в правый ряд.

Было это в тысяча девятьсот девяносто втором, поздняя осень. Они с напарником, двумя Уралами, возвращались с дальней разведочной партии на базу. Дорога, если это можно было назвать дорогой, шла через перевал, и погода резко испортилась: ударил мороз под минус тридцать, задула пурга, видимость упала до нуля. Напарник его, парень молодой, Серега, отстал где-то на подъеме – у него движок чихать начал. Они договорились встретиться на перевале. Но Сергей так и не вышел на связь. Рация молчала, только шипела помехами.

Он, мой водитель, тогда развернулся и пошел обратно по своей же колее. Метров через пятьсот увидел, что следы уходят в сторону, в распадок. Сердце ушло в пятки – в такую метель съехать с дороги значило одно. Он спустился вниз, и нашел Урал. Тот лежал на боку, кабина

смята, а Серега, весь в крови, сидел на подножке и держал на руках девушку. Совсем молодую, в каком-то тонком пальтишке и сапогах не по сезону. Она была без сознания, губы синие, дыхание еле слышное.

Откуда там, в глухой тайге, за триста километров от ближайшего жилья, взялась девушка? Серега рассказал, что он только съехал с перевала, как увидел её у обочины. Она стояла и просто шла. В пургу, в мороз, без ничего, без рюкзака, без лыж. Он выскочил, подхватил её, а сам перепугался так, что не заметил, как колесо попало в промоину, и машину перекинуло. Серега отделался ушибами и рассеченной бровью, а она была вся холодная, как ледышка.

Они кое-как поставили Урал на колеса, благо техника была непробиваемая, и двинулись обратно к нему. Девушку уложили в кабине, замотали в два спальника, грели как могли. Она пришла в себя только через несколько часов, когда они уже вдвоем в одной машине тряслись по ухабам. Открыла глаза, посмотрела на них мутным взглядом и спросила: «Где я?». Голос у неё был слабый, но спокойный, без всякой истерики, что тогда показалось им обоим странным. Человек, которого нашли в тайге в тридцатиградусный мороз, должен был плакать, кричать, биться в истерике. А она просто смотрела по сторонам и молчала.

На базе, когда её отогрели, накормили и она пришла в себя окончательно, её осмотрел фельдшер. Обморожение пальцев на ногах, сильное истощение, но в остальном – жива. И молчит. Ни имени своего не называет, ни откуда взялась, ни куда шла. На все вопросы только отворачивалась к стене и молчала. Начальник партии, мужик суровый, пригрозил милицией, но девушка даже бровью не повела. Она пробыла у них на базе три дня, на четвертый попросила бумагу и ручку и написала записку. В записке было всего три предложения: «Меня зовут Аля. Я сама ушла. Никого не ищите, меня искать некому».

И больше ни слова.

Они тогда, конечно, связались с районным центром, но в тех краях в те годы милиция была, мягко говоря, нерасторопной. Да и сама девушка, судя по всему, не горела желанием возвращаться к своей прежней жизни. А начальник партии, Федор Иванович, человек был бездетный, вдовый, глядя на эту тихую, сломленную девочку, которая упорно молчала и только подолгу смотрела на таежный лес за окном, вдруг сказал: «А пусть живет. Топограф нам нужен, вычим. Авось приживется».

И она прижилась. Оказалось, что у неё удивительная память на маршруты, она быстро освоила приборы, и вскоре стала незаменимым специалистом в маленькой партии. Имени её никто так и не узнал, все звали Алей, она откликалась. Работала на совесть, спорила с начальством, шутила с мужиками, смеялась. Но в глазах у неё всегда, по словам водителя, оставалась какая-то глубокая, непроглядная тишина. Как у человека, который однажды уже всё для себя решил и с той черты вернулся каким-то другим, не до конца живущим в этом мире.

Так прошло почти два года. Они уже привыкли к ней, считали своей. И однажды зимой, когда они опять стояли на дальней точке и ждали вертолет с продуктами, на связь вышел кто-то из районной администрации и попросил к рации «ту самую девушку». Аля взяла трубку, выслушала, и лицо её стало белым, как снег за окном. Оказалось, её разыскивал человек, который два года искал её по всей Сибири. Какой-то мужчина из Новосибирска. Он оставил координаты и умолял перезвонить, сказал, что приедет сам, если она не хочет возвращаться.

Аля тогда побледнела, отдала трубку и ушла в барак, заперлась. До самого вечера никто не решался к ней подойти. А вечером она вышла, позвала водителя, с которым тогда сидели в одной избе, и сказала: «Расскажу тебе, раз уж вы меня нашли. Только ты никому не говори, пока я сама не решу».

И рассказала.

Она действительно жила в Новосибирске. И была у неё любовь, мужчина, которого она боготворила. Он был старше, женатый, с двумя детьми. Она была его тайной, его «отдушиной», как он говорил. Два года она ждала, когда он решится, когда разведется, когда они наконец-то будут вместе. И однажды он сказал, что развод – дело решенное, что они уезжают, что всё будет по-другому. А через неделю она узнала, что он улетел в командировку с женой. Потом вернулся, и всё пошло по-старому. Она устала ждать, устала быть «отдушиной», устала от его обещаний, которые таяли, как прошлогодний снег. И однажды, после очередного его слова «подожди еще немного», она просто собрала рюкзак и ушла. Сначала ехала на попутках, потом на поездах, потом просто шла. Без карты, без цели, просто прочь. Она думала, что замерзнет в тайге, и это будет самым легким выходом. Потому что возвращаться к той жизни, где её раз за разом откладывали на потом, она не могла.

Она замолчала, а водитель спросил: «И что теперь? Будешь с ним говорить?»

Она покачала головой. Но потом всё-таки позвонила.

Разговор был коротким. Мужчина рыдал в трубку, говорил, что все эти два года искал, что понял, как был слеп, что ушел от жены в первый же месяц после её исчезновения, что детей к себе забрал, что ждал только её. А она слушала и молчала. А потом сказала: «Я теперь другая. Я больше не хочу быть чьим-то «потом». Я хочу быть сейчас».

– И что она решила? – спросил я, когда водитель снова замолчал, погруженный в свои воспоминания.

Он перестроился, чтобы пропустить скорую, и ответил:

– А она никуда не поехала. Осталась в партии. Сказала, что у неё теперь работа есть, и что в тайге воздух чище, чем в городах, где люди врут друг другу по###. А тот мужчина... он приехал. Через месяц, когда вертолетом можно было добраться. Привез с собой детей, цветы, какие-то подарки. Стоял посреди базы в своем городском пальто, такой чужой, такой неуместный среди лесовозов и штабелей бревен. Аля вышла к нему, посмотрела, и, говорят, в глазах у неё что-то дрогнуло. Они проговорили всю ночь. А утром он улетел один. Обратно в Новосибирск.

– Так и не простила?

– Да не в прощении дело, – вздохнул водитель. – Она ему потом письмо написала. Я видел это письмо, она мне показывала, потому что я единственный, кто всё знал. Она написала: «Ты пришел, когда я перестала быть твоей тенью. Я научилась ходить по тайге, ставить палатку в пургу, читать следы зверей. Я стала человеком, который ни от кого не ждет, когда же ему разрешат жить. Я люблю тебя, но ту девочку, которая ждала, ты потерял в лесу. А эта – не вернется».

И он её больше не искал. А она так и осталась в геологии. Потом вышла замуж за их же механика, родила двоих детей. Я, когда уходил из партии, заезжал к ним прощаться. Она сидела на крыльце, в ватнике, с кружкой чая, и смеялась чему-то. И у неё в глазах уже не было той черной тишины, которая меня когда-то пугала. Обычная женщина, обычная жизнь. Только иногда, когда я вспоминал ту пургу и девчонку в тонком пальтишке, у которой не было даже имени, я думал: а может, мы её не спасли, а наоборот, украли? Может, там, в тайге, она уже всё для себя решила, а мы влезли? Но потом, глядя на её сыновей, которые бегали вокруг дома, я понимал – нет, не украли. Просто дали ей другой выбор. А она уже сама выбрала, кем ей быть.

Водитель замолчал и включил поворотник. Мы въезжали в Бутово, фонари тускло освещали мокрый асфальт. Я расплатился, поблагодарил за историю, и уже выходя из машины, услышал, как он сказал мне вслед:

– А Серега, тот самый напарник, который её нашел, он теперь у меня в телефоне так и записан – «Серега-ангел». Потому что если бы его движок не чихнул на том подъеме, если бы он не отстал, она бы просто прошла мимо него в пургу, и всё. Никто бы никогда не узнал, что где-то в тайге можно начать новую жизнь.

Дверь захлопнулась, машина уехала, а я стоял под козырьком подъезда и смотрел, как редкие снежинки падают в лужи, и думал о том, как тонка грань между тем, чтобы исчезнуть, и тем, чтобы обрести себя заново. И как часто для этого нужно просто, чтобы кто-то в нужный момент свернул не туда, куда планировал.

Глава 3.

Я сел в такси поздним вечером на площади трех вокзалов, и это было моей первой ошибкой. Водитель, сухощавый мужчина с глубокими морщинами на лице и глазами, которые смотрели куда-то сквозь тебя, а не на тебя, принял заказ молча, даже не взглянув в мою сторону. Я назвал адрес, он кивнул, и мы выехали на Комсомольскую площадь, где вечная московская суета кипела даже в этот поздний час.

Первые минут пятнадцать мы ехали в полной тишине. Я уже привык к тому, что таксисты бывают разговорчивыми или молчаливыми, и не пытался нарушить эту тишину. Но потом он неожиданно спросил, знаю ли я, почему на Казанском вокзале всегда так много людей даже ночью. Я пожал плечами, не зная, что ответить. И тогда он начал рассказывать.

Знаете, сказал он, я ведь раньше работал на скорой помощи. Двадцать лет на выездах, по всей Москве и области. Всякого насмотрелся, всякого наслушался. А потом, когда здоровье уже не то, пересел в такси. Но привычка осталась: я до сих пор смотрю на людей и вижу их насквозь. Могу сказать, кому завтра в больницу, у кого сердце шалит, а кто уже на грани. И вот эта привычка однажды сыграла со мной злую шутку.

Было это года три назад. Заказ пришел из Химок, адрес обычный, панельная многоэтажка на окраине. Подъезжаю, жду. Выходит мужчина, лет сорока, в дорогом костюме, при галстукке, но галстук сбит набок, как будто он его надевал в спешке или в темноте. Лицо бледное, лоб в испарине, а главное – он оглядывается по сторонам, как будто боится, что его кто-то увидит. Садится на заднее сиденье, называет адрес в центре, и я трогаюсь.

Всю дорогу он молчит, только смотрит в окно и дышит тяжело, с присвистом. Я поглядываю в зеркало и понимаю, что этот человек не просто нервничает. У него лицо человека, который несет внутри себя что-то, что вот-вот его раздавит. Я тогда еще подумал: может, инфаркт? Дыхание у него странное, цвет лица землистый. Но давление померить нечем, а спрашивать напрямую – неудобно, вдруг человек просто устал.

И тут он вдруг говорит: «Остановитесь здесь». А мы на мосту, на Третьем кольце, где остановка запрещена. Я говорю: «Нельзя, штраф». А он так тихо, почти шепотом: «Пожалуйста. Мне очень нужно. Всего на минуту». Что-то в его голосе меня насторожило, и я прижался к обочине, включил аварийку. Он открыл дверь, вышел, подошел к парапету и встал, глядя вниз, на реку.

Я тогда вышел следом. Не знаю почему. Какое-то внутреннее чувство, которое я за двадцать лет на скорой выработал, просто заставило меня выйти из машины. Подхожу, встаю рядом, молчу. А он смотрит вниз и говорит: «А вы знаете, с какой высоты падение становится смертельным?» Я тогда не растерялся, говорю: «Знаю. Я двадцать лет на скорой проработал. Видел и с четвертого этажа выживали, и с десятого в инвалидном кресле оставались. А с этого моста, между прочим, двое в прошлом году упали, обоих спасли, но один теперь овощ, второй без ног. Лотерея, в общем, а не гарантия».

Он повернулся ко мне, и я увидел его глаза. Такие глаза я видел только раз в жизни, у девушки, которую вытаскивали из петли. Пустые, безжизненные, но при этом какая-то бешеная решимость в них горела. Он сказал: «Вы не понимаете. У меня всё. Бизнес рухнул, жена ушла, друзья отвернулись. Долги такие, что до конца жизни не расплатиться. И самое страшное – сын. Ему двенадцать. Он меня таким запомнит. Лучше никаким, чем таким».

Я слушал его и понимал, что обычные слова здесь не работают. Не говорить же ему, что всё наладится, когда сам видишь, что человек всё для себя уже решил. И тогда я сказал то, что обычно врачам скорой говорить не положено. Я сказал ему правду.

Я сказал: «Вы знаете, почему я со скорой ушел? Потому что однажды не успел. Вызов на сердечный приступ, мужчина, пятьдесят лет. Приезжаем, а он уже холодный. Жена рядом сидит, плачет, и сын его, совсем пацан, стоит в дверях и смотрит на отца. Я тогда этот взгляд запомнил на всю жизнь. Не страх, не горе, а какое-то недоумение. Как будто он не понимал, как это так – живой человек вдруг стал мертвым. Я тогда подумал: вот этот пацан теперь всю жизнь будет помнить, как его папа лежит на диване, а вокруг врачи суетятся и ничего уже сделать нельзя. И никто ему не объяснит, почему. Так вот, я вам что скажу. Если вы сейчас прыгнете, ваш сын будет помнить не вас. Он будет помнить этот мост. Эту ночь. Ментов, которые будут допрашивать вашу жену. Похороны, на которые придут люди, которые будут делать скорбные лица, а потом пойдут пить чай и обсуждать, какой вы были ничтожество, раз так поступили. И всю оставшуюся жизнь он будет думать, что в нем было что-то такое, из-за чего отец предпочел умереть, чем жить ради него».

Мужчина замер. Я видел, как его пальцы, сжимавшие парапет, побелели, потом медленно разжались. Он отошел на шаг, прислонился спиной к ограждению и сполз по нему вниз, прямо на мокрый асфальт. Сел, обхватил голову руками и завыл. Не плакал, а именно выл, как зверь, которого загнали в угол. Я сел рядом, достал из кармана термос, налил ему чаю. Он пил и трясся, как в лихорадке. А я сидел и молчал.

Потом, когда он немного успокоился, я сказал ему: «Я сейчас отвезу вас не домой и не в центр. Я отвезу вас в одно место. Не бойтесь, это не психушка и не морг. Там работает мой друг. Он психолог, но не из тех, кто будет вас лечить таблетками. Он просто поговорит с вами. А завтра вы позвоните сыну. Просто позвоните и скажите, что любите его. Ничего больше не объясняйте, не оправдывайтесь. Просто скажите, что любите. А потом разберетесь с долгами. По одному, маленькими шагами. Вы же бизнесмен, вы умеете считать. Вот и посчитайте, сколько стоит ваша жизнь. Не в деньгах, а в том, сколько всего вы еще можете сделать».

Он поднял на меня глаза, и в них уже не было той пустоты. Была усталость, была боль, но не было той черноты, которая меня пугала больше всего. Он сказал: «Вы правда думаете, что есть смысл?» А я ответил: «Я двадцать лет людей с того света вытаскивал. Если бы смысла не было, я бы давно сам с этого моста прыгнул».

Водитель замолчал, и в салоне повисла тишина. Я ждал продолжения, но он, казалось, забыл о моем существовании, глядя на убегающую назад ленту фонарей. Я осторожно спросил:

– А что стало с ним потом?

Он словно очнулся, посмотрел на меня в зеркало заднего вида, и его лицо на мгновение смягчилось.

– А потом, – сказал он, – мы поехали к моему другу. Я их оставил, а сам уехал, у меня еще заказы были. А через месяц мне пришло сообщение на телефон. Я тогда еще удивился, потому что номер был незнакомый. А в сообщении было фото. Мужчина, тот самый, с лопатой в руках, стоит на фоне какого-то забора, улыбается, и рядом с ним пацан, который держит вторую лопату. И подпись: «Строим дом. Сын говорит, что это самый лучший папа на свете. Спасибо вам за тот мост».

Он замолчал, потом добавил:

– А через год я получил еще одно сообщение. Там уже был дом, красивый, деревянный, с резными наличниками. И надпись на заборе: «Здесь живет счастливый человек». Я тогда думал: а ведь мог бы не подойти. Мог бы остаться в машине, подождать, пока он настоится, и уехать. Но что-то меня толкнуло. Та же самая рука, которая двадцать лет тянулась к тем, кто задыхался, кто кровью исходил, кто сердце рвал. Привычка, наверное. Хорошая привычка.

Мы подъезжали к моему дому, и я смотрел на этого человека, который казался мне сначала просто уставшим водителем, а теперь виделся совсем другим – тем, кто не раз смотрел в лицо смерти и каждый раз выбирал жизнь. Я расплатился, вышел из машины, но прежде чем закрыть дверь, спросил:

– А вы сами? Вы как справляетесь с тем, что столько видели?

Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то детское, неожиданное для его сурового лица.

– А я вам сейчас секрет открою. Когда я работал на скорой, у нас был один профессор, старый, мудрый. Он говорил: «Запомните, ребята. Мы не спасаем жизни. Мы просто даем людям время. Время, чтобы они успели сказать друг другу важные слова. Время, чтобы они успели понять, что жизнь – это не то, что с ними случилось, а то, что они с ней делают. Если вы

дали человеку пять минут, и он за эти пять минут успел позвонить сыну и сказать «прости», вы сделали больше, чем любой кардиохирург». Вот и я так же. Я не спасаю. Я просто даю людям время. А они уже сами решают, как им его потратить.

Машина уехала, а я стоял и смотрел ей вслед, и думал о том, сколько таких историй остается незамеченными, сколько таких вот разговоров на ночных дорогах меняют чьи-то судьбы, и никто об этом никогда не узнает. И еще я думал о том, что в этом городе, таком огромном и равнодушном, всегда есть кто-то, кто готов остановиться на мосту, налить горячего чая из термоса и просто быть рядом. Даже если этот кто-то – просто таксист, который когда-то работал на скорой и так и не смог отвыкнуть смотреть на людей и видеть их настоящими.

Глава 4.

Я заказал такси поздним утром, почти в полдень, когда ноябрьское солнце безуспешно пыталось пробиться сквозь плотную пелену облаков. Машина подъехала быстро, и я, забираясь на заднее сиденье, обратил внимание на необычную чистоту в салоне – пахло хвоей и каким-то легким цитрусовым ароматом, на торпедо стояла маленькая иконка, а зеркало заднего вида было украшено брелоком в виде крошечного ангела. Водитель, женщина лет сорока пяти с короткой стрижкой и спокойным, внимательным взглядом, поздоровалась, уточнила адрес и плавно выехала на дорогу.

Я не ожидал, что она начнет разговор первой, но уже на первом светофоре она спросила, не против ли я, если она включит негромкую музыку. Я согласился, и из динамиков полилось что-то старинное, церковное, многоголосое, что сразу создало в салоне особую, почти домашнюю атмосферу. Она улыбнулась моему удивленному взгляду и сказала:

– Вы не подумайте, я не из особо религиозных. Просто эта запись меня в свое время спасла. Точнее, не запись даже, а человек, который дал мне её послушать. Это был мой пассажир. И если у вас есть время, я расскажу вам историю, которая, наверное, самая важная в моей жизни. Тем более дорога у нас предстоит длинная, пробки на выезд из города – обычное дело.

Я кивнул, и она начала рассказывать, и голос её, спокойный и ровный, словно перенес нас в другое время, в другую жизнь.

Она не всегда была таксистом. Лет десять назад она была женой крупного чиновника, жила в элитном доме на Фрунзенской набережной, ездила на шопинг в Милан и Париж, и главной её проблемой было то, какой наряд выбрать на очередной прием в посольстве. Муж её, Игорь, был человеком властным, успешным, и она была для него идеальной женой – красивой, образованной, умеющей поддержать любой разговор, но при этом никогда не перечасей и не лезущей в его дела. Они прожили вместе пятнадцать лет, и ей казалось, что так будет всегда.

Однажды, вернувшись из очередной поездки в Европу, она застала дома пустоту. Игорь ушел, не оставив записки, не объяснив причин. Исчезли его вещи из гардеробной, исчезли документы из сейфа, исчезли деньги с общих счетов. А через неделю ей позвонил адвокат и сообщил, что дом, квартира, машина и всё, что было записано на мужа, давно переоформлено на подставных лиц, а на её имя висят кредиты, которые Игорь взял перед своим исчезновением. Она осталась на улице. Буквально. С одним чемоданом одежды, которая годилась разве что для коктейльных вечеринок, и с долгами, которых не могла бы покрыть и за десять лет работы.

Она попыталась обратиться к бывшим знакомым мужа, но те либо не отвечали на звонки, либо делали вид, что не знают её. Оказалось, что в этой элитной среде дружба – вещь сугубо конъюнктурная, и когда твой муж становится либо беглецом, либо жуликом, ты превращаешься в пустое место. Самое страшное, по её словам, было даже не отсутствие денег. Самое страшное было осознание того, что пятнадцать лет её жизни, все её усилия быть идеальной, вся её любовь и преданность были просто функцией, деталью интерьера, которую можно выбросить, когда она перестает соответствовать новому дизайну.

Первые месяцы она жила у случайных знакомых, перебивалась случайными заработками, спала на вокзалах, когда некуда было идти. Потеряла двадцать килограммов, превратилась из холеной светской львицы в осунувшуюся женщину в поношенной одежде. И вот в один из самых тяжелых дней, когда она сидела на скамейке в Александровском саду и смотрела на счастливые лица прохожих, она приняла решение. Не героическое, не романтическое, а простое и страшное: она решила, что больше не может. У неё не было сил начинать всё с нуля, не было веры в себя, не было надежды, что когда-нибудь всё наладится. Она пошла к Москве-реке.

И тут её окликнули. Пожилой мужчина в старой, но ухоженной машине, которая стояла на парковке рядом, вышел и спросил, не нужна ли ей помощь. Она тогда рассмеялась, и смех этот, по её словам, был похож на лай больной собаки. Она сказала: «Какая помощь? Вы что, не видите, я иду топиться. Идите своей дорогой». Но мужчина не ушел. Он подошел ближе, сел рядом с ней на скамейку и сказал: «А знаете, я тоже хотел. Лет двадцать назад. Всё потерял: завод, семью, друзей. Остался должен полмира. Сидел на этом же месте и смотрел на эту же воду. И знаете, что меня остановило? Один прохожий. Такой же дурак, как я сейчас. Сел рядом и сказал: “Ты погоди. Через пять лет посмотришь на эту воду и не узнаешь её. Потому что сам станешь другим”».

Она тогда не поверила ему. Конечно, не поверила. Но почему-то не встала и не пошла дальше. Сидела и слушала, как этот чужой человек рассказывает ей свою историю. О том, как он после разорения работал грузчиком, сторожем, таксистом. Как его бывшая жена не позволяла ему видеться с дочерью, как он спал в машине, как отмывал чужие унитазы, чтобы заработать на еду. И как потом, через десять лет, открыл свой небольшой бизнес, выкупил тот самый завод, который потерял, и дочь пришла к нему сама, когда поняла, кто на самом деле был прав в их семейной истории.

Она спросила: «И что, вы простили?» А он ответил: «Я не прощал. Я просто жил дальше. Оказалось, что это намного интереснее, чем умереть и доказать всем, какие они сволочи».

Потом он достал из машины термос с чаем, маленькую иконку, которая висела у него в салоне, и сказал: «Вот это мне тот прохожий подарил. Сказал, что когда мне будет совсем плохо, я должен смотреть на неё и вспоминать, что я уже прошел этот путь и могу пройти еще один. А теперь я вам её дарю. Не потому что я святой, а потому что традиция такая. Один остановил меня, я остановил вас, вы когда-нибудь остановите кого-то. Так круг и держится».

Она взяла иконку, не зная, что с ней делать, и разрыдалась. Впервые за все эти месяцы она плакала не от боли и унижения, а от того, что вдруг почувствовала себя не одинокой. Что есть кто-то, кому не всё равно, даже если этот кто-то – случайный прохожий на набережной.

– А что было потом? – спросил я, когда она замолчала, чтобы перевести дух.

– А потом, – она улыбнулась и поправила брелок с ангелом, – я не пошла к реке. Я пошла искать работу. Устроилась уборщицей в офис, потом продавцом в магазин, потом поняла, что люблю водить, выучилась, купила подержанную машину и стала работать в такси. Первые два года было тяжело, клиенты попадались разные, иногда страшно было. Но я вспоминала того старика и его слова: «Живи дальше, это интереснее». И оказалось, он был прав. Я заново выучилась жить. Сама. Без мужа, без его денег, без его фамилии. Я стала собой. И знаете, это стоило всех тех унижений и боли.

Мы уже подъезжали к моему дому, и я понимал, что история подходит к концу, но мне хотелось узнать главное.

– А того мужчину, который вас остановил, вы потом видели?

Она кивнула и сказала:

– Я искала его несколько лет. Объездила пол-Москвы, расспрашивала таксистов, давала объявления. И нашла. Через три года. Он уже был совсем старенький, почти не выходил из дома. Я приехала к нему, привезла цветы, пирог, эту самую иконку, которую он мне подарил, и сказала: «Смотрите, я жива. Я прошла. Я остановила двоих за это время. Один парень в машине хотел свести счеты с жизнью после развода, я ему вашу историю рассказала. Он теперь сам таксистом работает. А девушку одну, молодую, которая из дома сбежала, я к маме отвезла и помирила их. Ваш круг работает».

Старик тогда заплакал и сказал: «Я ведь тебя ждал. Всё думал, придешь или нет. А ты пришла. Значит, не зря я тогда к реке не пошел».

Она замолчала, и в машине снова зазвучала та самая церковная музыка, тихая и светлая. Я расплатился, вышел, но прежде чем закрыть дверь, спросил:

– А как его звали? Того старика?

Она посмотрела на меня и сказала:

– Его звали Николай. Я до сих пор каждый год в день нашей встречи приезжаю на его могилу. И каждый раз благодарю его за то, что он не прошел мимо. Знаете, я часто думаю: сколько людей проходит мимо чужой беды, потому что спешат, потому что боятся показаться навязчивыми, потому что думают – «не мое дело». А ведь иногда одно слово, один взгляд, одна остановка могут всё изменить. Я теперь всегда останавливаюсь. Если вижу, что человеку плохо, не проезжаю мимо. Может, он потом через десять лет тоже кому-то скажет: «Живи дальше». И круг замкнется.

Я закрыл дверь, и машина уехала, а я стоял на тротуаре и смотрел на удаляющиеся красные огни, и думал о том, как тонка грань между жизнью и смертью, и как часто на этой грани оказываются случайные прохожие, которые вдруг решают не проходить мимо. И ещё я думал о том, что каждый из нас может быть таким прохожим. Не надо быть героем, не надо совершать подвиги. Иногда достаточно просто сесть рядом на скамейку и сказать: «Я тоже хотел. Но не пошел. И ты не ходи».

Глава 5.

Я поймал такси на выезде из Химок, когда уже начало смеркаться, и декабрьский вечер опускался на город тяжелым, свинцовым небом. Водитель, молодой парень лет тридцати с небольшим, с аккуратной бородкой и внимательными, чуть усталыми глазами, встретил меня приветливой улыбкой и сам спросил, не против ли я, если поедем по платной дороге, чтобы быстрее выбраться из пробки. Я согласился, и мы понеслись по чистому, почти пустому шоссе, а за окнами мелькали огни новостроек и темные провалы леса.

Он включил негромкую музыку, какой-то спокойный джаз, и мы ехали в тишине минут десять, пока он вдруг не спросил:

– А вы верите в случайности?

Вопрос был неожиданным, и я пожал плечами, сказав, что, наверное, да, верю, потому что иначе как объяснить все те странные совпадения, которые случаются в жизни.

Он кивнул, помолчал немного и сказал:

– Я вот до тридцати лет не верил. Думал, всё закономерно: поступил – не поступил, женился – развелся, нашел работу – потерял. Причина и следствие, ничего сверхъестественного. А потом один случай меня переубедил. И если у вас есть время, я расскажу. Тем более дорога дальняя, пробки впереди, судя по навигатору, приличные.

Я устроился поудобнее, и он начал рассказывать, и голос его, спокойный и немного задумчивый, погрузил меня в историю, которая началась за много лет до этого вечера.

Он родился и вырос в небольшом городке под Тулой, в семье железнодорожников. Отец работал машинистом, мать – билетным кассиром на вокзале. Жили небогато, но дружно, и он с детства мечтал стать, как отец, водить составы, чувствовать под собой мощь локомотива, видеть, как открываются пути. Мечта эта была настолько сильной, что после школы он даже не рассматривал других вариантов: поехал в Москву, поступил в университет путей сообщения, учился хорошо, подрабатывал, чтобы помочь родителям. И всё шло к тому, что он вернется в родной город, устроится в депо и будет водить пассажирские поезда.

Но случилось так, что на пятом курсе, за месяц до защиты диплома, его отца сбила машина. Не насмерть, но тяжело: перелом позвоночника, повреждение спинного мозга, полная потеря подвижности ниже пояса. Врачи сказали, что ходить он больше не будет. Мать, которая и так еле сводила концы с концами, сломалась: она не могла ухаживать за лежащим мужем, работать на вокзале и еще как-то оплачивать его лечение. И тогда он, мой водитель, бросил всё. Забрал документы из университета, вернулся в родной город, устроился на железную дорогу не машинистом, как мечтал, а подсобным рабочим, и стал ухаживать за отцом.

Пять лет он менял ему памперсы, кормил с ложечки, возил на процедуры, учил заново держать ложку в руке, когда у отца начали отказывать и руки. Пять лет он не вылезал из долгов, спал по четыре часа в сутки, выглядел на двадцать лет старше. Друзья от него отвернулись, девушка, с которой они собирались пожениться, не выдержала и ушла, сказав на прощание: «Я не подписывалась быть сиделкой». А он не злился. Он просто делал то, что должен был делать.

Самое страшное, по его словам, было даже не физическое истощение. Самое страшное было смотреть на отца. Когда-то сильный, властный мужчина, который водил многотонные составы, который держал в руках судьбы сотен пассажиров, теперь лежал беспомощный, смотрел в потолок и иногда, по ночам, плакал. Он просил сына: «Отпусти меня. Увези куда-нибудь в лес и оставь. Я не хочу быть обузой». А сын не мог. Он любил отца и не мог его отпустить.

И вот в одну из таких ночей, когда отец особенно сильно мучился, когда боль была такой, что морфий не помогал, и он кричал в подушку, чтобы соседи не слышали, сын не выдержал. Он вышел на крыльцо, сел на ступеньки, и ему вдруг стало всё равно. Всё: лечение, долги, работа, будущее. Он почувствовал такую усталость, что, казалось, если сейчас ляжет на землю, то уже не встанет. И он решил: всё. Он больше не может. Он возьмет отца, отвезет его в хоспис, а сам уедет куда глаза глядят. Или не уедет. Ему было всё равно.

На следующее утро он позвонил в хоспис, договорился о месте, собрал вещи, отца погрузил в машину, которую взял в аренду, и они поехали. Отец молчал всю дорогу. Только когда они уже въезжали в Москву, он вдруг сказал: «Сынок, останови здесь. Дай я на город посмотрю». Он остановился на обочине, вышел, открыл дверь, чтобы отцу было видно, и стоял, курил и смотрел, как отец смотрит на московские огни. И в этот момент к нему подошел человек.

Незнакомый мужчина, одетый в простую куртку и кепку, похожий на обычного прохожего, подошел и спросил: «Извините, вы не подскажете, как проехать к Курскому вокзалу?» Он объяснил, мужчина поблагодарил и уже хотел уходить, но вдруг остановился, посмотрел на отца в машине, потом на него и сказал: «Слушайте, может, это не мое дело, но я вижу, у вас человек лежачий. Вы его в хоспис везете?» Он кивнул. Мужчина помолчал, потом сказал: «А вы знаете, что в хосписах сейчас места нет? Я вчера звонил, месяц очереди». Он тогда чуть не закричал от отчаяния, но мужчина остановил его жестом и сказал: «Подождите, не кипятите. Я знаю одно место. Частный пансионат под Звенигородом. Там хороший уход, врачи, реабилитация. И там есть место. Я вам адрес дам».

Он дал адрес, и они поехали. Пансионат оказался уютным домом в сосновом лесу, с профессиональным персоналом и внимательным отношением. Отец там остался, и ему стало лучше. Не чудесное исцеление, конечно, но боль ушла, появился аппетит, он начал разговаривать, шутить, даже пытался читать. А сын вернулся в Москву, нашел работу, снял комнату и каждые выходные ездил к отцу.

Через полгода, когда жизнь начала налаживаться, он вдруг вспомнил о том случайном прохожем, который дал ему адрес. И понял, что даже имени его не знает. А адрес пансионата, который тот назвал, оказался настоящим чудом – туда действительно никто не брал, но для них место нашлось. Он стал расспрашивать персонал, не знают ли они, кто мог его направить, но никто не знал. Тогда он решил найти того мужчину сам. Объехал все места, где они тогда были, расспрашивал прохожих, торговцев, гаишников. Никто не помнил никого в кепке.

Прошел год. Отец окреп настолько, что его перевели в палату для реабилитации, и врачи сказали, что если так пойдет дальше, он через пару лет сможет передвигаться в инвалидном кресле самостоятельно. А мой водитель уже работал в такси, копил деньги на квартиру и всё еще иногда думал о том незнакомце. И однажды, уже в конце второго года, он получил заказ. Адрес был в районе, где они тогда останавливались. Он приехал, ждет. Выходит мужчина, садится на заднее сиденье, называет адрес пансионата под Звенигородом. И он узнал его. Ту же куртку, ту же кепку, тот же спокойный, внимательный взгляд.

Он тогда развернулся, заглушил мотор и сказал: «Я вас бесплатно отвезу куда угодно, но сначала скажите: вы меня помните? Два года назад, на этом самом месте, вы остановили меня и дали адрес пансионата. Вы спасли моего отца. И меня спасли. Я искал вас всё это время, и вот вы сами пришли».

Мужчина долго смотрел на него, потом улыбнулся и сказал: «Помню. Конечно, помню. Я тогда ехал к себе в пансионат навещать жену. Она там уже три года. Рак. И я каждый день езжу к ней, каждый божий день, уже тысячу дней подряд. Я увидел вашего отца в машине, увидел ваше лицо и понял, что вы на грани. А я сам на этой грани стоял. Тоже хотел всё бросить, уехать, забыться. И меня тогда остановил один человек. Просто сказал: “Не надо. Ты ещё нужен”. И я решил, что и вам должен сказать что-то. Не знал, что сказать, и дал адрес. Просто наугад. Думал, может, повезет. Оказалось, повезло».

Мой водитель тогда расплакался, прямо в машине, и не мог остановиться. А тот мужчина сидел сзади и молчал, давая ему выплакаться. Потом они поехали в пансионат, и он познакомился с женой этого человека – маленькой, хрупкой женщиной, которая, несмотря на болезнь, улыбалась и шутила, и было видно, как сильно они любят друг друга. А потом они стали ездить вместе. Каждую субботу он забирал этого мужчину, и они ехали в пансионат – сначала к его жене, потом, когда её не стало, просто на могилу, а потом к его отцу, который, благодаря тому адресу, дожил до того дня, когда смог сам держать кружку и даже выкатился в сад на коляске, чтобы встретить их.

– А что потом? – спросил я, когда он замолчал. – Отец ваш как?

– Отец умер через три года после той встречи, – сказал он спокойно. – Но умер не в мучениях, не в одиночестве, а в окружении людей, которые заботились о нем. И я успел сказать ему всё, что хотел. И он мне всё сказал. Мы успели. Благодаря тому случайному прохожему, который просто подошел спросить, как проехать к вокзалу. А ведь он не спрашивал дорогу. Он потом признался, что дорогу туда отлично знал. Он просто не знал, как ко мне подойти, и спросил первое, что пришло в голову, чтобы начать разговор.

Мы подъезжали к моему дому, и в салоне снова звучал тихий джаз. Я смотрел на этого молодого парня, который когда-то променял свою мечту на долг перед отцом, и думал о том, сколько раз в жизни мы проходим мимо людей, которые могли бы стать нашими ангелами, просто потому что не умеем или боимся спросить дорогу.

– А тот человек, который вас остановил, – спросил я, – вы с ним теперь друзья?

Он улыбнулся и кивнул:

– Он крестным стал у моего сына. У меня сейчас семья, жена, ребенок. И каждое воскресенье мы с ним созваниваемся. А в день, когда мы встретились, я всегда отвожу машину и мы едем на то место, где он меня остановил. Стоим, курим, смотрим на дорогу. Иногда я думаю: а ведь если бы он тогда прошел мимо, если бы подумал, что это не его дело, что чужой человек с больным отцом – это не его забота, меня бы сейчас здесь не было. И отца бы не было. И сына моего не было бы. А он взял и подошел. Спросил про вокзал. Случайно. А может, и не случайно. Я теперь во все случайности верю. В каждую.

Я расплатился, вышел из машины, но прежде чем захлопнуть дверь, спросил:

– А как его зовут?

– Алексей, – сказал он. – Его зовут Алексей. И знаете, он до сих пор носит ту же кепку. Говорит, что она счастливая. Может, и правда счастливая. Он в ней уже не одну жизнь спас.

Машина уехала, а я стоял на тротуаре и смотрел на уходящие в темноту огни, и думал о том, сколько таких историй происходит каждый день в этом огромном городе. Сколько раз случайный прохожий, задавший случайный вопрос, меняет чью-то судьбу. И как важно иногда просто не пройти мимо. Просто спросить дорогу. Или ответить на вопрос. Или сесть рядом на скамейку. Или сказать: «Я тоже хотел, но не пошел». Потому что никогда не знаешь, какое твое слово окажется тем самым, которое остановит человека на краю и приведет его к свету.

Глава 6.

Такси я поймал на Профсоюзной, в тот самый час, когда день уже окончательно сдал позиции ночи, а фонари зажглись не в полную силу, словно сомневаясь, стоит ли вообще разгонять эту промозглую тьму. Машина подъехала быстро, и я, открывая дверь, услышал, как из салона доносится голос – водитель с кем-то говорил по телефону, но увидев меня, быстро сказал: «Я перезвоню», и отключился. Это был мужчина лет шестидесяти, с густой сединой в волосах и лицом, которое трудно было назвать красивым, но оно запомнилось – с глубокими складками у рта и глазами, которые, казалось, видели гораздо больше, чем могли бы вместить.

Я назвал адрес, он кивнул и тронулся. Первые минуты мы ехали молча, и я уже привык к тому, что этот водитель, видимо, из неразговорчивых, но он вдруг спросил, не против ли я, если он включит приемник, потому что тишина в машине его почему-то сегодня угнетала. Я согласился, и из динамиков полилась какая-то старая, забытая мелодия, которую я не мог узнать, но она показалась мне удивительно грустной и светлой одновременно.

– Вы знаете, – сказал он, не оборачиваясь, – я эту песню на свадьбе танцевал. Сорок лет назад. С женой. Мы потом всю жизнь её слушали, пока она... ну, пока не перестали. А сегодня у меня был звонок. Зять звонил. Сказал, что дочь моя, Катя, решила разводиться. И я вот еду, слушаю эту песню и думаю: а ведь я их свадьбу помню. Они тоже под эту песню танцевали. Я тогда сидел, смотрел на них и думал: вот оно, счастье. Молодые, красивые, любят друг друга. А теперь развод. И главное, виноватых нет. Никто не пил, не бил, не изменял. Просто перестали быть нужны друг другу. Как моя любимая рубашка, которая висит в шкафу – хорошая рубашка, дорогая, но почему-то не надеваешь. И не потому, что она плохая, а просто привык. И она тебе уже не нужна, а выбросить жалко.

Он замолчал, и я подумал, что он, наверное, сейчас начнет рассказывать о своей дочери, о том, как тяжело ему видеть её несчастной. Но он повернул разговор совсем в другую сторону.

– А вы знаете, что я вам скажу? – продолжил он, перестраиваясь в правый ряд. – Самое страшное в жизни – это не смерть. Я много чего повидал, я вообще человек не из робких, но самое страшное – это когда люди перестают слышать друг друга. Когда они живут рядом, спят в одной постели, едят за одним столом, а между ними стена. Невидимая, но такая толстая, что даже крик не пробивает. И вот про это я вам историю расскажу. Если, конечно, вам не скучно.

Я заверил его, что мне совсем не скучно, и он начал.

Было это лет пятнадцать назад, когда он только начинал работать в такси. До этого он был военным, служил в ракетных войсках, потом вышел на пенсию и понял, что сидеть дома не может – жена на работе, дети выросли, а он привык быть в движении. Купил машину, оформился, и поехал. И вот в один из вечеров, уже под утро, когда город спал, а он еще работал, ему пришел заказ из обычной панельной многоэтажки в спальном районе. Подъехал, ждет. Выходит женщина, лет пятидесяти, в домашнем халате, накинутом поверх ночной рубашки, и в тапочках на босу ногу. Волосы растрепаны, лицо бледное, глаза красные – видно, что не спала, плакала. Садится на заднее сиденье и говорит: «На кладбище, пожалуйста. Калитниковское».

Он тогда удивился: в четыре утра, в тапочках, на кладбище? Но спрашивать ничего не стал, поехал. Всю дорогу она молчала, только смотрела в окно и вздрагивала всем телом, как будто её знобило, хотя в машине было тепло. Он хотел спросить, не нужно ли ей одеяло, но язык не поворачивался – было в этой женщине что-то такое, что не позволяло нарушать её тишину. Они доехали до кладбища, она вышла и сказала: «Подождите меня, пожалуйста. Я недолго». И ушла в темноту, между могил, шлепая тапочками по мокрой от росы траве.

Он ждал. Прошло полчаса, час. Он уже начал волноваться, думал, не случилось ли чего, хотел идти искать, но ворота были закрыты, и он не знал, куда она пошла. И тут она появилась. Так же внезапно, как исчезла. Села в машину, вся мокрая, в траве, и сказала: «Везите меня обратно. И простите, что я так долго. Я прощалась».

Он повез её обратно, и уже на подъезде к дому она вдруг заговорила. Сказала, что сегодня у неё умерла мать. Не сегодня, а ровно год назад. И она каждый месяц в этот день приезжает на могилу, потому что не может смириться. Не может смириться с тем, что не успела. Не успела сказать главное, не успела попросить прощения, не успела понять, что мать была права, когда спорила с ней о её муже, о её работе, о её жизни. А теперь она приезжает, сидит у могилы и говорит с матерью. И слышит её. Впервые в жизни слышит. Потому что когда мать была жива, они говорили, но не слышали друг друга. Каждая была занята своей правдой, своей болью, своим упрямством. А теперь, когда матери нет, её голос звучит в голове ясно и четко, и она понимает, что мать была права. Во всем. Но поздно.

Она вышла из машины, расплатилась, и он уехал. Но история эта зацепила его так, что он потом несколько дней ходил сам не свой. Ему вдруг стало страшно. Страшно потому, что он понял: он сам делает то же самое. С женой, с которой прожил тридцать лет, он разучился разговаривать. Не ссориться, нет, ссорились они редко. Просто перестали говорить о главном. Утром – «кофе будешь?», вечером – «что на ужин?», перед сном – «спокойной ночи». И всё. А куда делись те ночные разговоры, когда они лежали в темноте и говорили до утра о том, как проживут свою жизнь, как назовут детей, куда поедут в отпуск? Куда делись споры, после которых они мирились и любили друг друга сильнее? Они исчезли. Их съела бытовуха, усталость, привычка. И он вдруг осознал, что они с женой – как те двое, которые спят в одной постели, но между ними стена. И если не разобрать эту стену сейчас, то потом будет поздно. Как у той женщины на кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.